

18+

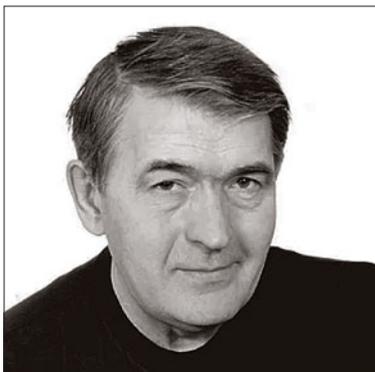
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №18 ГАЗЕТА

Владимир Муссалитин / В городе Иерусалиме, на реке Иордан...

МУССАЛИТИН Владимир Иванович

Русский, советский писатель родился в 1939 году в древнем русском городе Новосиле. Почётный гражданин города. Окончил Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и Академию общественных наук. Доктор философии. Автор романов: «Искры догорающего костра», «В городе Иерусалиме, на реке Иордан...», «Ave Maria». Лауреат ряда всероссийских и международных литературных премий, в том числе премии И. А. Бунина и международной премии Св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. Труд литератора отмечен государственными наградами и наградами Русской Православной Церкви.

Российскую культуру отменить невозможно

Главный редактор журнала «Роман-газета» Юрий Козлов вместе с поэтом и философом Вячеславом Куприяновым посетили Краснодон, где встретились с читателями, писателями, культурной общественностью Луганской Народной республики. Поездка состоялась по линии АСПИР (Ассоциации союзов писателей и издателей России), которую возглавляет известный российский писатель и общественный деятель Сергей Шаргунов. АСПИР много делает для того, чтобы читающие люди на новых территориях приобщались к российской литературе, знакомились с поэтами, писателями, имели возможность получать литературную российскую периодику.

Краснодон — «место силы» СССР и России. В прежние годы в музее «Молодая гвардия» приезжали люди со всей страны. Образы героев-молодогвардейцев, как и Зои Космодемьянской, Александра Матросова вошли в плоть и кровь народа, заняли важное ме-

сто в коллективной памяти о том, через какие испытания прошла наша страна в годы Великой Отечественной войны.

Послушать московских писателей в актовом зале музея пришли студенты гуманитарных учебных заведений Краснодона, литераторы, сотрудники библиотек, краеведы, исследователи истории Великой Отечественной войны. После подробного рассказа сотрудницы АСПИР Марии Базалеевой об основных направлениях деятельности этой, объединяющих четыре крупнейших писательские ор-

ганизации и Российский книжный союз, ассоциации, речь не могла не зайти об Александре Фадееве. Благодаря этому писателю страна и мир узнали о героях «Молодой гвардии» — Олеге Кошевом, Иване Земнухове, Сергее Тюленине, Ульяне Громовой, Любове Шевцовой и других. Главный редактор «Роман-газеты» Юрий Козлов рассказал собравшимся о своём понимании личности Александра Фадеева и главного произведения его жизни — романе «Молодая гвардия».

В двадцатые годы этого молодого талантливо-

го литератора из народа подхватил и стремительно понёс наверх «социальный лифт» отвечающей «за будущее мира» эпохи. Фадеев неистово и с упоением претворял революционные идеи в культурную жизнь страны, сначала как писатель и идеолог Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), позже как многолетний Генеральный секретарь Союза писателей СССР. Великие эпохи, вспомнил слова поэта Николая Тихонова Юрий Козлов, делают из людей «гвозди», крепче которых нет в мире. Фадеев был гвоздём, на котором, висело многоплановое и многонациональное полотно советской литературы. Гвоздь гнул, но держал неподъёмный вес. В индустриализации, коллективизации, невиданных в мире свершениях Фадеев ощущал заархивированную мощь новой, как многим тогда казалось, в недалёком будущем «земшарной» Республики Советов. Вырываясь из служебно-бюрократических тисков, с боем отвоёвывая неде-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2024

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

П/И № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2024 №18 /1959/ Основана в 1927 г.

Владимир Муссалитин

В городе Иерусалиме, на реке Иордан...

И

Задолго до окончания дежурства Илья Арепьев начал напряженно раздумывать, как вернее убить приближающийся вечерок. Ехать домой, точнее, на дачу в Востряково, не хотелось. В недостроенном доме жили тесть с тещей, а также мать тещи, которая неизвестно кем ему доводилась и которую он звал просто «ба». Туда же с трёхмесячной дочкой перебралась из Теплового Стана жена Лола — подышать свежим воздухом, прийти в себя после трудных родов. Так вот, ехать в Востряково абсолютно никакого желания не было. Ташиться чёрт знает куда, чтобы спать внизу, на первом этаже, рядом с тестем Аркадием Иосифовичем, дышать его любимым украинским борщом с чесночными пампушками было более чем забавно, в то время как в столице за какую-нибудь сотню-полторы баксов он мог славненько оттянуться...

Вот они, глупые, дармовые деньжата, как бы случайно залетевшие поутру в нагрудный карман куртки, назойливо, призывно попискивали, требуя выхода на волю. Перепали они от одного из клиентов с просьбой без лишних хлопот оформить талоны техосмотра для него и приятелей, людей таких же, как и он сам, весьма занятых и деловых. Эка невидаль — талоны! Глупо было бы отказываться от того, что само идет тебе в руки без напряга.

Так что всё путём, свободные деньжата имеются. Да и по случаю субботнего дня надо бы расслабиться. Жена все еще не отошла от родов, так что приходится лишь тешить воображение, а гормоны, гормоны, черт бы их побрал, каждый вечер так и кричат, сшибаются в смертельной схватке... Как назло, номер «Московского комсомольца» поддразнивал своим разделом развлечений. Шесть колонок сплошняком: Досуг-люкс. Страна грез. Массаж особый и ночи полные огня. Люкс-сауна. Модели. Выезд и так далее. Правда, жена, переехав на дачу, предусмотрительно оставила ключ от их квартиры на Беговой у себя, но это ни тогда, ни теперь нисколько не угнетало Арепьева. Глупая баба забыла, что ли, о его собственной квартире на Палихе, вернее, не его, а родителей, которые перебрались теперь в Орехово-Борисово. Двухкомнатная орехово-борисовская квартира досталась от бабы Насти, двоюродной бабки, вдовы Александра Андреевича Арепьева, доводившегося родным братом Илье Андреевичу Арепьеву, родному деду Ильи по отцовской линии.

Баба Настя век свой доживала одна. Задолго до смерти мужа похоронила единственного сына Василия, который умер молодым, не успев даже жениться. И умер-то от нелепицы. После бани скovyрнул на плече родинку, которую, как поясняли

врачи, трогать никак было нельзя. Родинка та переродилась в злокачественную опухоль, и меньше чем через год молодой дядька Василий ушел на тот свет...

Когда баба Настя почувствовала, что недалек ее час — почти год лежала колодой, — то и решила отписать всю свою недвижимую на матушку Илью, Зою Матвеевну. Потому-то маманя после работы, вместо того чтобы ехать домой, спешила к бабе Насте — сменить соседку, перестелить постель, покормить одинокую старуху, приготовить обед на следующий день. И баба Настя, глядя на старания матери, в один день, расчувствовавшись до слез, сообщила о своем решении — отписать ей двухкомнатную квартиру в Орехово-Борисово.

Да и не только эту теплую двухкомнатную квартиру на третьем этаже кирпичного дома сталинской эпохи, но и дачу во Внуково, где на восемнадцать соток стояло два дома. Один деревянный, другой кирпичный. В деревянном можно жить благодаря паровому отоплению круглый год, в кирпичном же — только летом. Места в деревянном доме всем хватало. Александр Андреевич, будучи строителем, любил возиться на даче и, как не раз иронизировала мать, налепил и в доме, и в мезонине с десятком клетушек, возможно, готовя жилье для будущих дачников. Однако сдавали лишь двухэтажную кирпичную постройку с кухней и столовой на первом этаже и двумя спальнями наверху. И снимала этот кирпичный дом одна и та же профессорская семья с двумя дочерьми-невестами. Запомнились они всем своей сдержанностью, интеллигентностью и тем, что все члены профессорской семьи были очкариками...

Решение бабы Насти отписать все наследство именно матери Арепьева вызвало у многочисленной родни сложные чувства. Ведь было с кем бабе Насте поделиться своим добром. Была родная племянница, был жив родной брат покойного мужа. А тут вот так — все без остатка ей, в общем-то чужой для бабы Насти, женщине. «Не многовато ли одной?» — не раз вслух изумлялась Анна Захаровна — жена Ильи Андреевича, полагая, что, уж если не в квартире, то непременно в даче должна присутствовать доля супруга как родного брата покойного, которому он охотно и, как оказывалось, безвозмездно помогал в строительстве дачи.

Вправе была рассчитывать на теткинину щедрость и племянница Вера, которая, кстати, тоже не обходила тетушку своим вниманием, нередко привозя ей гостинцы, устраивая по мере надобности постирушки, прибирая квартиру. Но, будучи изрядно замордованная личными заботами (муж-выпивоха, сын, вернувшийся с армейской службы), Вера как-то обронила в сердцах: ни лежачие старухи, ни их добро, мол, и даром не нужны.

Сболтнула то ли соседке, то ли матери, но эти слова до бабы Насти дошли, еще более укрепив ее в правильности исподволь созревшего решения о судьбе нажитого совместно с покойным мужем добра.

Завещание бабы Насти было оформлено грамотно, честь по чести, с привлечением опытного юриста. Но тогда, в конце восьмидесятых, воспользоваться всем этим столь неожиданно свалившимся богатством, было непросто. Матушка бегала по инстанциям, выправляла разного рода бумаги. Особенно много хлопот доставила дача. Руководство дачного кооператива вроде было и не против, но на перевод дачи на имя матери требовалось разрешение самого Моссовета, а там уже выстроилась очередь просителей. Всяких именитых, со Звездами героев, лауреатскими званиями. И нужно было пробиться наверх, на прием к самому председателю исполкома Моссовета. Во что бы то ни стало пробиться к этому овеянному легендами старикану и доказать женской слезой, милой улыбкой (а, к слову, Зоя Матвеевна была хороша собой, белокура, синеока), что именно она — дочь рабочего человека, жена рабочего человека, продолжателя рабочей династии Арепьевых — имеет большее право на дачу, завещанную ей родственницей, чем вся эта когорта прославленных и заслуженных, которые непременно получают положенное им в любом другом уголке Подмосковья. Она же обязана сберечь завещанную родственницей землю, в которую (и это охотно подтвердят соседи) вложила немало труда, возделывая грядки, окапывая деревья, лелея розы и пионы бабы Насти.

Эпопея с квартирой в Орехово-Борисово потребовала не меньших усилий и прямо-таки изворотливости. Илья был прописан у матери с отцом на Палихе. Инна, первая его жена, была прописана на жилплощади своей матери Тамары Аскольдовны на Новинском бульваре, куда после женитьбы перебрался и Арепьев. Чтобы прописаться в Орехово-Борисово, Зое Матвеевне необходимо было пойти на фиктивный развод с отцом, о чем тот и слышать не захотел, да и мать боялась. В Орехово-Борисово резон было прописать Илюшу, поскольку Инна уже была в положении и подходило время начинать жить своим домом. Но как было в двухкомнатную квартиру прописать студента-третьекурсника, человека неплатежеспособного? Тут верный ход сделала Тамара Аскольдовна, которая ведала кадрами в серьезном стройуправлении. Выправила зятю-студенту трудовую книжку и необходимую запись в ней сделала. И в домоуправлении, и в паспортном столе решилось все тотчас.

Однако, прописавшись в Орехово-Борисово, Илюша туда жить не поехал. В Орехово-Борисово переехала Зоя Матвеевна с Андреем Ильичом, а в их квартиру на Палихе въехали Илюша с Инной и малышкой Сашенькой. Всем решение показалось в высшей степени разумным. Зоя Матвеевна, ухаживая за бабой Настей, привыкла к большой квартире в Орехово-Борисово. Оплата квартиры не требовала лишних трат. Илюша, по окончании института окончившись по протекции давнего друга семьи подполковника ГАИ на службе в этих же органах, пользовался льготами по квартплате. Потому-то Зое Мат-

веевне с Андреем Ильичом не составляло большого труда оплачивать обе жировки...

По-хорошему, в той квартире в Орехово-Борисово нужно было прописаться Илюше, чтобы отсечь всякие притязания первой жены Инны, оповестившей его вскоре о разводе.

Повестка в суд, хоть он и ждал ее, все-таки кольнула. Особенно тем, что истцом выступала дочь Сашенька, надо полагать, под диктовку Инны. Разумеется, дочь имела полное право претендовать на жилплощадь на Палихе, поскольку была прописана там, но Арепьев-то понимал, что дочь не более чем ширма. Квартира нужна его бывшей благоверной, которой с хахалем своим не хочется тесниться в двухкомнатной квартире мамы. Получив нечто, положенное Сашеньке, и прибавив это нечто к уютной квартире Тамары Аскольдовны, Инна уже могла провести некую операцию на рынке жилья.

Маманя, у которой в руках оказалась эта повестка, тотчас насыпалась на Илью, мол, сколько тебя ни просила сделать родственный обмен, но тебе все некогда — то ты в усилении, то в оцеплении, а они тебе тем временем устроили настоящее окружение. Но шумела сердобольная Зоя Матвеевна до тех пор, пока он не крикнул на нее, и она тотчас вся подобралась, являя собой образец покорности и полной послушности, лишь торопливо угодливо прибавив: «Илюша, сынок, хотелось ведь как лучше».

Уступила она еще и потому, что чувствовала за собой некую вину за прописку Сашеньки в той большой орехово-борисовской квартире, опять же из добрых побуждений (чтобы не платить за излишки жилплощади). Но, если уж откровенно, то Зоя Матвеевна была изначально виноватой, записав доставшуюся ей по завещанию квартиру на сына, служебные льготы которого вдвойне удешевляли квартплату. С родственным же обменом она засуетилась лишь после того, как молодые разбежались в разные стороны, и когда родная сестра Валентина, сотрудница российского культурного центра в Варшаве, надумила ее поторопиться с этим обменом, чтобы не оказаться в дураках.

Арепьев, которого матушка не раз допекала с этим обменом, оставив на нее свои выразительные и всегда завораживающие ее глаза, медленно, с расстановкой объяснил, что этот обмен его никак не колышет, и, если ей угодно, то пусть она и займется им.

— Хорошо, хорошо, сынок, — как всегда, чтобы не гневить сына, заторопилась она. — Ты только сходишь со мной в домоуправление.

— Никуда не пойду, — отодвинул он ее словом в далекий угол, нагоняя на мать суеверный страх — матушка всегда боялась из-за неосторожного слова или поступка потерять сына, давно живущего самостоятельно. А сынок, если что не по нему, неделями мог не выходить на телефонную связь.

Увидеть сына было для Зои Матвеевны настоящим праздником. Тем праздником, который она за-

тевала сама ради такого радостного для ее сердца свидания. Наготовив в субботу (если сына не отпугивали в это треклятое усиление или оцепление) вкусное и любимое им — тушеную курицу, треску под маринадом, морковь по-корейски, — она начала названивать:

— Илюша, сыночек, заглянул бы к родителям.

— Чего там еще? — вопрошал недовольно он.

— У нас, сыночек, все хорошо, все нормально, — торопливо успокаивала сына Зоя Матвеевна. — Мы, сыночек, по тебе просто соскучились...

Арепьев сосредоточенно молчал, заставляя матушку напрягаться, ждать желанного ответа.

— Ну же, сыночка, ну! — не выдерживала она первой. — Да и зарос наверняка. Когда последний раз стрижся? А я тебя, лапушку моего, и подстригу. Приезжай! Очень уж по тебе соскучились, дорогой наш...

— Кончай, ма, — прерывал Арепьев эти знакомые, изрядно набившие оскомину сантименты. — Если приехать, и без этого приеду.

— Вот и хорошо, — подхватывалась обрадованная Зоя Матвеевна, уже заранее испытывая счастье от сознания скорого свидания с сыном. — Да, сынок, и еще, — торопливо прибавляла она. — Захвати бельё, форму свою рабочую — все, что нужно простирнуть...

— Ма, кончай, — требовательно останавливал Илья.

— Да что ты, на самом деле, пляшешь перед ним! — вклинивался иногда Андрей Ильич, когда заискивания супруги казались ему унижительными. Он знал о безоглядной, совершенно слепой любви супруги к сыну, и это вызывало в душе одновременно и ревность, и злость. — Носишься, как с коломенским горшком, — бросал он порой ей, осознавая всю тщетность своих замечаний.

Зоя Матвеевна умело парировала мужу, но все же победа, как всегда, была за ним. Таков он, арепьевский род, — всегда гнет и ломит по-своему, ни в чем никому никогда не уступит. Хотела мать сына Николаем назвать, потому что в декабре вблизи зимнего Николы родился и потому что древнее имя это как-то по-новому засверкало в конце шестидесятых — начале семидесятых. Тогда многие ее сверстницы стали нарекать первенцев Николаями. Так нет, Арепьевы не дали, решив все за нее и без нее, назвав младенца Илей, тем самым продолжив их, арепьевскую, мужскую ветвь, когда ушедший повторялся своим именем-отчеством в приходящих в этот мир.

Слегка всплакнула, услышав о том, что, выбирая имя для сына, не сочли нужным спросить ее. Сама под сердцем носила, сама в трудах рожала, а дать то имя, которое и надлежало и которое хотела, не позволили. А потом, когда начались все эти его художества с женитьбами и загулами, подумала о справедливости слов племянницы-аспирантки, вычитавшей где-то, что рожденный вблизи дня своего по-

кровителя, но нареченный другим именем, оказывается как бы обойденным судьбой. И тревожно, и страшно сделалось на душе...

Что до прадеда, то Илюша его не знал. С него достаточно было и деда, который в каждый его приезд на каникулы в деревню устраивал нечто вроде трудового лагеря, заставляя вначале по малолетству подавать тот или иной инструмент, а затем и приучая этим инструментом работать: забивать гвозди, резать доски, рубить поленья. И ничто не могло избавить внука от этой трудовой повинности. Отцу, как и деду, нравилась деревня, нравилось по выходным наезжать туда вместе с отцом своим, глубоким пенсионером, ладить что-либо по плотницкой части, а в свободные часы подергивать карасей из деревенского пруда.

Андрей Ильич был уверен, что и сын тоже должен привязаться к деревне. Пока жив дед, освоит ремесла, чтобы, став взрослым и пустив свой корень, мог в надлежащем порядке поддерживать и деревенский дом, и всю усадьбу.

Все хорошо в меру, но дед, казалось, этой меры не знал, всякий раз придумывая новое и новое. Верно и то, что дом был стар, и требовались замены то в одной, то в другой части его. И Илюша, обливаясь потом, отесывал под строгим дедовским оком лаги, выбирал в пятидесятке шпунт, чтобы затем пришить половую доску к этой треклятой лаге. Чем запомнилось сверстникам лето их перехода в восьмой класс, как бы начавший новый отсчет времени их взросления, подготовки к самостоятельной жизни, когда можно, не скрываясь, выкурить сигарету или открыто прогуливаться по вечерам с девочками, а то и устроить вечеринку на квартире приятелей, разумеется, в отсутствие родителей... Кому какими славными забавами вспоминались летние деньки... Арепьев же эти три летних месяца запомнились тем, как они с дедом шли пол на мосту (так называлось пространство между теплой и холодной половиной большого деревенского дома), меняли побитые градом листы шифера на крыше, перебирали доски, обкашивали бурьяны вдоль межи с соседями, точили-затачивали, подправляли разный инструмент, которого бы хватило на добрую токарно-столярную мастерскую.

Дед Илья всю жизнь проработал формовщиком на прославленном орденоносном московском предприятии, был уважаем и почитаем, знал цену своему ремеслу и тому инструменту, что кормит-поит трудового человека. Уважение к этому инструменту перешло и сыну Андрею, который по стопам отца после десятого класса пришел учеником токаря в пятый механический.

И странно было бы, чтобы этого инструмента не нашлось у него в деревенском доме для нужного дела в нужную минуту... По малолетству Илюшу завораживали эти блестящие лезвия и диски всевозможных режущих и пилящих инструментов, развешан-

ных вдоль стен деревенского дома в дедовской мастерской или разложенных по ящикам. Все эти бесчисленные рубанки, фуганки, стамески, зубила, дрели, топоры, молотки и молоточки поначалу притягивали, манили, зазывали, мол, потрогай, поддержи в руках! Затем, когда жизненная стезя вполне определилась и Илья нашел себя окончательно на службе в ГАИ, инструменты стали наводить откровенную скуку, и он теперь отводил глаза от прежде столь интересовавшего его рабочего инструмента...

Нет, все эти дедовы университеты были, конечно, не лишними. Он многому научился подле деда. Много мог и умел. Разве плохую баньку сладили с дедом, правда, не без участия взявшего очередной отпуск отца! И стоит эта славная банечка-парилочка в саду рядом со старой яблоней, разваленной надвое от давнего богатого урожая...

Царство Небесное деду. Но папаня тоже не прочь запрячь его при случае в той же деревне или поблизости на даче во Внуково, где отцова тетка, его двоюродная бабка, отписала им еще два дома и четырнадцать соток с малиной-смородиной, розами и пионами, которые очень любила и которые удавались на славу, так, что соперниц у бабы Насти, когда выходила с ними на рынок, не было. Да и быть не могло, столько труда-любви вкладывала она в каждый кустик.

Нет, нет, Арепьев всеми этими деревеньками-дачками был сыт по горло. А тут нужно было еще время от времени подставлять плечо новому тестю, у которого тоже дачи. И своя, и еще две, построенные для каждой из дочерей. Сейчас все они кучкуются на даче Аркадия Иосифовича, но через годик-другой, судя по его настроению, придется поднимать целину где-то за Талдомом, где предусмотрительный тесть прикупил в садоводческом товариществе десять соточек, вознамерившись поставить там и домишко для своей любимой дочуры Лолы — новой благоверной Ильи Арепьева.

Но талдомская новостройка впереди, а пока можно чутко и расслабиться. Оно конечно, и на нынешней даче Аркадия Иосифовича дел немало, но тесть, молодчина, щадит. Привез из-под Луганска хохлов, не понять, то ли дальних родственников, то ли хороших знакомых, одним словом, своих землячков, и те втроем пашут за милую душу. Половину дома (прихожую, кухню, гостиную, спальню, где живут женщины) хохлы уже довели до ума. Теперь дело за второй половиной, где обитают они, мужики...

Но пусть Аркадий Иосифович поспит нынче один, не напрягается по поводу своего кишечника. Арепьев взглянул на часы. Время, как всегда перед концом рабочего дня, тем более в субботу, тянулось медленно. Чтобы чем-то занять оставшееся до конца работы время, позвонил Бекитарову, давнему, со школьной поры приятелю, которому он отчасти был обязан знакомством с первой своей женой и потому ставшему свидетелем на первой свадьбе. Потрепа-

лись накоротке. Бекитаров, тоже женатый дважды, спешил со своей новой супругой и усыновленным семилетним парнишей в знакомую им обоим деревню, где жилали их деды-прадеды. В отличие от Арепьевых, отец Бекитарова, преуспевающий бизнесмен, привыкший отдыхать на теплых морях, уступил в свое время, когда и сам-то не был женат, полностью дом родной сестре, нисколько не сомневаясь в том, что поступает правильно. Он не знал, не ведал, что у родного сына-полукровки неожиданно проснется (видно, сказалась дедовская кровь) тяга к земле, и он станет искать в той деревне свободный уголок земли и найдет эти семь или восемь соток, построит небольшой летний домик, чтобы по выходным навещать туда копать-перекапывать грядки.

Арепьев, отстраненно подумав о деревне, о прежних детско-юношеских днях, проведенных там, пожелал Бекитарову счастливого пути и тут же набрал Орлова, одного из тоже давних приятелей. Орлов был запыхавшимся, видимо, только что слез с тренажера, и тут же стал частить о новом облюбованном им горном велике. Он был просто помешан на этих велосипедах. И, чтобы не обидеть его, Арепьев должен был внимательно выслушать все орловские восторги по поводу горного велосипеда. «Ладно, — снисходительно заметил он, — купишь горного козла — свой старый дорожник отдашь мне».

Орлов несколько замешкался с ответом, но согласился, по ходу поставив условие, чтобы велосипед не стоял в коридоре и не висел на стене. В его рассуждениях о преимуществах передвижения по Москве на велосипеде звучало сомнение в том, что Арепьев, который без машины уже себя не представляет, променяет свое прежнее увлечение на новое.

Легким трепом с Орловым он и добил столь нудно тянувшийся час. Только положил трубку, как тут же посыпались звонки, но он уже не стал снимать трубку, боясь, как бы не нарваться на звонок сердобольной, излишне любопытной мамы или, чего доброго, своей благоверной. Мало ли куда его могло послать начальство...

Арепьев время от времени прибежал к излюбленному приему, намекая на то, что многие из его коллег, помимо своего желания, оказываются совершенно неожиданно то в Чечне, а то и еще дальше. События в мире, постоянные происки террористов, периодически возникающая потребность посылки миротворческих сил — да мало ли других серьезных дел, где пригодится его опыт и знание. Как-никак заканчивал МАДИ и, между прочим, диплом защищал по эксплуатации дорог. А они, дороги, для любой страны что кровеносные артерии для человека. Одним словом, козырь, да еще какой! И один намек на это в ответ на вопрос, почему вновь так поздно пришел, заставлял то мать, когда жил у нее, то прежнюю, то нынешнюю жену торопиться на кухню и больше не утомлять Арепьева излишними, по большей части праздными, вопросами.

Перед выходом из комнаты он открыл холодильник, закинул в сумку две банки охлажденного тоника, бутылку «Столичной». Оставив у дежурного ключ, сел в темно-синюю «восьмерку», купленную пару лет назад у одного из новых знакомых недорого, поскольку шел машине шестой год и была она близка к завершению второго круга, второй сотни тысяч километров. Цена была приемлемой, да и жаловаться на «тачку» грешно. Десять секунд — и полная сотня на спидометре. Тачка приемистая и не больно прожорливая. Восемь литров в городском режиме. За Кольцевой же и того меньше, что при постоянном росте цен на горючку немаловажно.

Арепьев выжал сцепление, придавил газ и лихо взял с места. Он любил быструю езду, да и кто же ее из старых, не говоря уже о новых русских, не любит? А сейчас столько козлов на дороге, что тихоне за рулем нечего делать. Затрут, смнут. Только и можно по нахалке. По встречной, если пробка, на красный, если торопишься. Если что не так и дядька с палкой притормозит, то свой своего всегда поймет, лишь заметит бережно-оберегающе: ты уж смотри, пожалуйста, поаккуратней, видишь, как оно, намекая на очередные, знакомые им по оперативным сводкам, происшествия на дороге.

Да как не видеть! День июньский, субботний, дело к вечеру, половина народа за городом, а машин по-прежнему несметные стада. В такой толчее если не ты кого-то, то кто-нибудь тебя. Это уж как водится. Однако тьфу-тьфу. Арепьев поплевал в приспущенное до конца стекло, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида, где уже нарисовался отменно чёрный, нахально-роскошный «джип». Гаденыш переморгнул подфарниками, требуя дороги. Как бы не так! Арепьев прибавил газ. На-кося, выкуси! В таких случаях в него вселялся бес. «Джип» подкатил вплотную, вновь требовательно переморгнул подфарниками.

Арепьев взял ладонью под мнимый козырек и придавил газ. В заднее стекло он видел, как тот, на «джипе», показал ему увесистый кулак и помимо подфарников влупил фары. «Крутой, крутой», — похвалил Арепьев, оценив и медную рожу водилы, и его кулак, однако дорогу не уступил. Бес продолжал щекотать его. Все в нем начинало помаленьку чесаться — от ладоней до пяток. «Ну, давай же, давай», — подбадривал он джиписта, думая, какой маневр предпримет тот. На минуту в правом соседнем ряду образовался основательный просвет, но «джип» не стал перестраиваться, продолжая все так же неутомимо накатывать.

Арепьев, любивший видики со всеми этими дикими погонями, стрельбой по ходу всей картины, был сейчас в полном отрыве, чувствуя себя одним из героев подобной дивной ленты. Это было то, что надо для него, тридцатидвухлетнего мужика, который любил жизнь и хотел насладиться ею всласть. Они шли на «зеленой волне», за восемьдесят, как предписывали дорожные знаки, равномерно расстав-

ленные на этом участке Ленинградки, вплоть до самых Химок.

Наступал кульминационный момент. Арепьев вновь бросил беглый взгляд в зеркало заднего вида, прикинув расстояние между «джипом» и его «восьмеркой». С десятков метров, не более. Слегка, на какой-то метр-полтора взял вправо, как бы давая наступающему на пятки дорогу, а затем, будто что-то помешало ему, повел рулем влево.

Но не настолько, чтобы полностью помешать мужику осуществить обгон, однако достаточно для того, чтобы впрыснуть в кровь бычары малость адреналина.

«Джип», чего и требовалось, мимоходом, боковушкой переднего колеса чесанулся о бордюр, отскочил легким мячиком и с еще большей нахрапистостью рванулся вперед, загородив Арепьеву дорогу, превратившись из ведомого в ведущего. Арепьев видел, как водила «джипа» раззявил до ушей пасть, вытолкнув, поди, с десятков, если не больше, междометий. И, конечно, был прав, пройдя в такой близости от грозившей ему машины. За милую душу мог вылететь за бордюр. Страшного, быть может, ничего бы и не случилось. Ремни у них надежные. Возможно, набил бы шишару на свой балбешник. Или еще чего там по малости.

Арепьев уже догадывался, как поведет себя мужик. Разумеется, будет вести его до первого светофора, строго паса, чтобы он, теперь ведомый, чего доброго, не дал дёру, не переметнулся в правый крайний ряд, а оттуда в первый попавшийся переулок и далее огородами, огородами... Пусть не надеется, Арепьев такого удовольствия ему не доставит. На светофоре по тормозам и грудью на грудь.

Этот с «джипа», поди, и не догадывается, какой сюрприз его ждет. Думает, какой-нибудь вахлячок из-под Чухломы, а тут, здрасьте вам, пожалуйста! Илья даже представил, как от неожиданности поплывет рожа того мужика. Учить, давно пора учить балбесов! Лучше всего, конечно, рублем. Сегодня, правда, случай иной.

Арепьев довольно заулыбался, завидев стремительно приближающийся светофор, загоревшийся таким сочным рубиновым светом, как славное доброе винцо. Он не ошибся в своем предположении. Не успел «джип» тормознуть, как тут же на полном ходу распахнулась дверца, и славный такой качок под добрую сотню килограммов довольно легко ринулся к нему, норовя мазануть своей щедрой лапой.

— Но, но, — возразил Арепьев, легко выбросив навстречу качку свою довольно невзрачную, почти юношескую ручонку.

— Ты чё, балбес? Жить надоело?

— А ты чё? Можно подумать, у самого две пропас. Зри! — Арепьев, словно жонглер, выманил из рукава служебную корочку.

— Ха, мент поганый! Нашёл чем похваляться. Ну, ничего, мир, как известно, тесен. Встретимся...

Мы с тобой обязательно встретимся! Твой номерок этак славно у меня отложился.

Мужик столь же легко вскочил в свой джип, благо дали зеленый. Арепьев тоже на всякий случай запеленговал номерной знак: Ж4150Г. Запомнить проще простого. 41 год — начало войны, пятый майский месяц — месяц Победы. Ну и, само собой, в конце две привычные московские семерки. Узнать владельца не проблема. Угрожал-то дурила скорее всего по горячке. Искать приключение на свое сиденье вряд ли решится! Хотя всякое бывает, — подумал Арепьев, беззлобно провожая стремительно удаляющийся «Джип Чероки».

II

Причесывая перед зеркалом густые волнистые каштановые волосы, Люба спиной чувствовала безмерно-обожающий взгляд Олега. Пристальный горячий взгляд лежал сейчас между лопатками, медленно обтекая, обволакивая ее, опускаясь все ниже и ниже. Она невольно напряглась, чувствуя этот магнетический взгляд, пытаясь усилием воли освободиться от того панциря, в который он сознательно облачал ее, не жалея ни слов, ни вздохов. Хотя все было в высшей степени искренне, и она знала об этом.

— Любонька ты моя. Любонька ненаглядная. Любонька нежная, — постанывал в углу на продавленном диване прикрытый потертым полушерстяным пледом Олег. — Ну, скажи, за что мне такое счастье? За что? А может, за то, что никогда у Господа ничего для себя не просил? Вот потому и сжалился, и послал неслыханную награду. Такую красавицу, которой никогда ни у кого не было. И не будет. Господи, как же благодарен. Сто тысяч раз скажу и столько же повторю. Спасибо тебе, Господи, за такую награду. Никогда не стану молиться. Чудны твои дела, Господи! Коли ты выделил меня из толпы...

Любе и радостно, и приятно, и неловко было слушать все это уже хорошо знакомое, но она и не могла помешать Олегу говорить то, что ему хотелось. Одновременно подмывало и поскорее уйти, и в то же время она сознательно медлила, готовая слушать все эти слова вновь и вновь со знакомыми интонациями, полувздохами, полувсхлипами. Она прекрасно понимала, что, прихорашиваясь перед зеркалом, она не только вдохновляла Олега своей красотой, но и медленно, сама того не желая, казнила его. Прихорашивается-то совсем не для него. Для него легкий ситцевый халатик на голое тело — так естественней, привычней, а то, чем занимается сейчас — для выхода в свет, в люди, чтобы уверенно чувствовать себя в любой компании.

— Как же я люблю тебя! Если бы ты знала, — продолжал всхлипывать Олег. — И, видит бог, как мне не хочется отпустить тебя. И никуда ни за что бы не отпустил.

Люба занервничала. Нет, пора, пора уходить! Иначе она сбросит с себя все эти наряды, скомкает, закинет в угол и кофточку, и юбку, и туфли, и все эти дешевые побрякушки и, разрыдавшись как дура, уткнется в волосатую, припахивающую легким дразнящим потом грудь и уже никуда не уйдет, теряя голову от взаимных ласк и нежностей, исцеловывая его всего, всякий раз лоя себя на мысли, как же он сладок и дорог ей, несмотря на свою увечность. Раньше без ужаса, содрогания смотреть не могла на этот, прости, господи, человеческий обрубок, а сейчас дороже его, кажется, и нет никого на свете.

Поначалу хотела идти в черной шелковой юбке и обтягивающей зеленой трикотажной кофточке, потом раздумала. Перебрала, что попало под руку, и остановилась на столь же черной шелковой майке с узкими, словно у ночной рубашки, бретельками. Эти майки-топики, вошедшие неожиданно и широко в моду в конце уходящего века, вновь настойчиво заявили о себе в первые годы нового века.

Она натянула майку, строго, оценивающе оглядывая себя.

— Безумно хороша. Божественна. Само совершенство, — продолжал нахваливать Олег.

— Прошу тебя, не надо, — устало попросила она, присаживаясь на табуретку, вдруг почувствовав слабость во всем теле. Она знала о причине этой слабости — пониженное давление. Раньше спасало кофе, но теперь оно стало кусаться, пришлось перейти на чай, а он был слабым помощником ее сосудам. Ей уже никуда не хотелось ехать, и она вопрошающе взглянула на Олега, желая найти поддержку, но он отвел глаза в сторону.

— Не могу молчать, но раз просишь, то больше не буду. Не буду. Но почему ты выбрала этот цвет? К чему траур? Кого хоронишь ты? Уж не мою ли любовь к тебе?

— Не-е-е, — протяжно, распевно отозвалась она. — Не-е-е...

— Но что же тогда?

— А может, саму себя. — Вырвалось это неожиданно для нее самой, будто кто-то со стороны произнес эти слова. — Да, да, может, саму себя, — вновь отозвалось как бы эхом.

— Да что ты, Любонька, такое говоришь! Разве можно? Ты подумай, что говоришь. Нет, уж ты лучше вначале реши вопрос со мной. Что мне делать-то одному? Кому я нужен? Кто присмотрит за мной? Ах, как нехорошо сказала! И отчего такие нехорошие мысли? Отчего?

— И сон плохой, Олежа, был. И предчувствие какое-то странное, чего никогда прежде не было. Но, может, все это и пустое. Так, блажь. Да, да, блажь. Конечно, блажь!

— Ты уж, пожалуйста, больше никогда не говори так. Никогда! Когда думаешь или говоришь о плохом, оно тут и спешает. А нам жить и жить надо. Сама же говорила, что хочешь жизнь другому дать.

На радость, на счастье. Так что и близко не смей мысли такие подпускать. Слышишь?

— Не буду, не буду, — отозвалась она, решительно вставая с табуретки.

— То-то же! — радостно полувсхлипнул Олег. — А теперь иди. Иди с богом!

Она невольно поехала. Последним словом он как бы заговаривал, опечатывал ее. И это слово не давало ей выйти из того круга, незримо очерченного то ли собственной рукой, то ли самой судьбой, храня и оберегая ее от многого ненужного, случайного, чем так богата жизнь молодой женщины.

Самое сложное было выйти за дверь, выдержать этот его долгий взгляд, в котором ей всякий раз виделось столько всего — и боль, и страх, и сострадание, и осуждение. Хотя, быть может, последнее и мерещилось ей. Как он мог осуждать ее, если об этих выходах, петляя огородами, он и сам завел разговоры в самые трудные свои минуты, когда в нем лопнула очередная пружина. Когда он, обезноживший в ночном бою под Кандагаром сухой осенью восьмидесят восьмого года и уже привыкший к коляске, новому способу передвижения, спустя ровно десять лет, а именно в октябре девяносто восьмого, вдруг не только не смог пересест со старого продавленного дивана в эту коляску, но и вообще пошевелить рукой.

Если вначале ему мечталось о протезах (хотя кто и где мог изготовить такие — ноги были ампутированы выше колен), то теперь вопрос встал о его физическом существовании вообще. Врачи поначалу мрачно пообещали полную неподвижность, но, бог милостив, немного отпустило, с трудом стал приподниматься, опираясь на локти, усаживаться на диван, пусть всей пятерней, но все же самостоятельно держать ложку. Затепилась малая надежда. Другие врачи при всей пессимистичности прогнозов высказывали надежду на некоторое улучшение, которое возможно лишь после соответствующего курса лечения, требующего конечно же времени и денег. С последним было просто худо.

Раньше они жили на милостыню, что собирали на Калужско-Рижской линии. Все в Москве, в том числе и рынки, и вокзалы, и метро, давно уже было поделено нищими и теми, кто их опекал и делал на этом немалые деньги. Безногому Олегу и еще троим его товарищам досталась Калужско-Рижская линия. Именно там, на Алексевской, она и встретила его. Собиралась войти в вагон, а ей навстречу вылетела инвалидная коляска с молодым мужчиной в камуфляжной форме. Коляска, которую с силой толкнула прочь от себя довольно крупная большеглазая женщина, катилась прямо на нее. Женщина же, прикусив нижнюю губу, торопливо работая полными оголенными локтями, опростыю бросилась к эскалатору. Даже отсюда, с платформы, был слышен стук каблучков большеглазой незнакомки, торопливо перебирающей ступени эскалатора.

Нетрудно было догадаться, что калека брошен на произвол судьбы, что беглянку не вернуть, что той, видимо, надоело ремесло, благодаря которому они зарабатывали на пропитание.

Сердобольная от рождения Люба не могла пройти мимо инвалидной коляски, мимо растерянного калеки. Взявшись за ручки коляски, она уже знала, что не выпустит их... Разуверившаяся в искренности человеческих отношений, она через каких-нибудь полгода поняла, что нет никого ближе и дороже, чем он. Поняла, удостоверилась в том, что он тоже дышит и живет ею... И вдруг эти его трудные окольные заходы к разговору о добывании дальнейших средств к существованию. Вначале ее обожгло то, на что намекал Олег. Это к чему же подталкивают ее? Пойти на панель? Хотя прямо ничего не было сказано. Но как иначе можно было истолковать это предложение иногда по вечерам бывать в ночных клубах, вход во многие из которых для девушек и молоденьких женщин был бесплатным.

Пряча глаза в сторону, Олег мучительно искал, подыскивал слова, стараясь убедить в безвинности своего предложения. По его рассказу выходило, что она должна взять чашечку кофе и, не спеша час-другой попивая его, ждать, пока к ней подсядет добропорядочный человек, который заведет вполне пристойный разговор и которому она вполне откровенно могла бы рассказать о своем житье-бытье и о тех проблемах, которые возникли. Они будут танцевать, пить кофе, снова танцевать. Люба, если он окажется приятен, может симпатизировать своему партнеру, и у того рано или поздно появится желание помочь им. Бедные люди в ночные клубы не ходят, а богатому человеку отщипнуть малость от своих богатств ничего не стоит..

Наивный Олег! Все верно, в ночные клубы ходят отнюдь не бедные люди, но не для того, чтобы выслушивать жалобы нищеты. И не для того, чтобы надсаживать сердце излишней сердечной истомой. Хозяева жизни приезжают сюда для того, чтобы снять понравившуюся даму... Тот, кто увозит, и та, кого увозят, предварительно оговаривают условия или знают о том, сколько это будет стоить. Товар — деньги.

Она никогда не торговала собой. Когда кто-либо из мужчин ей нравился, она отдавалась легко и просто, считая это самой сладостной минутой в жизни, любила всем своим прекрасным телом того, кто был рядом с ней, забывая обо всем на свете. Ей нравилось заниматься любовью, но, чтобы заниматься этой самой любовью за деньги, без любви — ей этого было не понять.

Как понимала она, Олег тоже ни за что на свете не согласился бы на то, чтобы она стала торговать собой. Стало быть, ему верилось, что кто-то из щедрых ночных посетителей будет отстегивать ей деньги всего-навсего за динамизм, столь естественный и оправданный в молодые годы, но совершенно непо-

пятный и труднообъяснимый, когда тебе уже далеко за двадцать.

К ней подходили в этих ночных клубах, брали для нее и для себя какую-либо немудреную выпивку и без долгих сантиментов тут же предлагали заняться сексом. Говорили об этом просто, обыденно, не смущаясь и не стыдясь, будучи уверенными, что именно столь обыденно и просто и нужно говорить об этом, как, к примеру, о том, что нынче как никогда жарко и необходимо утолить жажду глотком воды. И он, этот глоток, необходим именно теперь, сию минуту. Их несколько не смущало то, что они совершенно не знают свою партнершу, как совершенно не пугали и последствия возможной случайной связи. Это тоже было одной из причин, удерживающей ее от легкомысленного поступка.

Уверенная в своей чистоплотности, она, слушая предложения от незнакомых прежде мужчин, не могла отделаться от брезгливого чувства, что этот незнакомый мужчина, подкативший сюда на «мерсе», «вольве» или навороченном до предела «джипе», мог всего час назад в другом таком же кабаке предложить то же самое другой такой же глупой и красивой девице. Мог получить все это сполна, а потом, застегнув ширинку, искать исполнения новой похоти в другом месте, будучи совершенно уверенным, что отказа не встретит, потому что кошелек в заднем кармане брюк туго набит баксами, позволяя ему в небрежной, раскованной манере вести разговор о сексе, излюбленных позах, о том интимном, о чем не принято говорить вслух.

Мужчины были деловиты, нетерпеливы, горели желанием получить все и чуть ли не тут же. Некоторые, те, что постарше, набрасывали кое-какие сценарии, предлагая снять номер в гостинице, поехать на собственную квартиру или квартиру друзей, заодно справляясь о любимых напитках, соответствующих их интимной встрече. Ну а молодые, ровесники, предпочитали экспромт, зазывая в машину, а то и в туалет..

Она и смущалась, и недоумевала, и смеялась, так и не решаясь отдаться кому-то за деньги. И, разумеется, не раз слышала это недоуменное: чего тебе нужно? Зачем пришла сюда, или не знаешь, зачем сюда приходят?

«Да, действительно, зачем?» — спрашивала она и сама себя, одновременно раздумывая над вопросом: зачем сознательно отказываться от того, что всегда доставляло удовольствие, если к тому же за это удовольствие еще и дадут деньги, столь необходимые им с Олегом сейчас, когда нужно снова тратиться на дорогие лекарства, массажистку? Хотя от последних трат в дальнейшем можно будет и отказаться, потому что рано или поздно она все-таки освоит этот массаж, без которого не обойтись сейчас Олегу и который рано или поздно понадобится их малышу. Малышу, присутствию которого она уже почувствовала в себе столь долгой задержкой.